

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

ПРИГЛАШЕНИЕ В ТИШИНУ

Приглашение в Тишину

Евгений Фюжен

Приглашение в Тишину

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Приглашение в Тишину / Е. Фюжен — «Автор»,
2026 — (Приглашение в Тишину)

Элис Вейн всю жизнь слышит невидимое «Эхо» — эмоциональные следы людей в предметах и пространствах. Когда её приглашают в Академию Святого Сильвана, легендарную цитадель искусства и красоты, Элис надеется научиться контролировать дар. Но стены Сильвана хранят не только вдохновение, но и шрамы — вырванные из мира таланты, законсервированные в мрачной Оранжеее. Между блеском великих шедевров и безмолвием украденных гениев Элис предстоит выбрать: стать частью системы, жрущей чужие дары, или найти третий путь — путь тихого бунта, который может изменить саму природу магии Эхо.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора	5
Часть 1: Приглашение в Академию	6
Глава 1: Птицы, вырезанные из ночи	6
Глава 2: Геометрия обещаний	10
Глава 3: Трактат о ненаписанных симфониях	14
Глава 4: Оранжерея сухих цветов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Приглашение в Тишину

Предисловие от автора

Данную книгу хотелось бы посвятить ребятам из 151-62. Учитесь, ребята! А всем любителям дарк академии, приятного чтения!

Часть 1: Приглашение в Академию

Глава 1: Птицы, вырезанные из ночи

Письмо пришло в день, когда дождь стирал границы между небом и мостовыми Лондона. Конверт был тяжелым, из бумаги цвета старого чая, с печатью из черного воска. На оттиске – стилизованная птица с расправленными крыльями, заключенная в круг. Не приглашение. *Призыв*. Так он ощущался в руках Элис Вейн, оставляя на кончиках пальцев слабый, едва уловимый холод, как прикосновение к стеклу давно закрытого окна.

Академия Святого Сильвана. Место, о котором шептались в художественных салонах и консерваториях, но которое никогда не появлялось на обычных картах. Ее не искали. О ней *приглашали*. Только самых одаренных, только тех, чей талант был не просто умением, а зудом под кожей, вторым зрением, тихой музыкой в костях. Элис знала эту музыку. Она была для нее не мелодией, а эхом – болезненным, пронзительным отзвуком того, что ушло.

Стоя на склизких камнях причала где-то в шотландских гебридах, куда ее доставили с соблюдением таинственных инструкций, Элис жалась в плащ. Туман здесь был не стихией, а архитектурой. Он клубился, формируя стены и арки, расступаясь на мгновение, чтобы показать черную гладь воды, и тут же смыкаясь. Никакого величественного замка. Лишь лодка, призрачная, как само видение, и старый перевозчик, чье лицо было сеткой морщин, хранящей молчание глубже, чем море.

«Переход – это первый урок, мисс Вейн», – сказал он голосом, похожим на скрип уключины. Его слова повисли в сыром воздухе. Элис не спросила, что он имел в виду.

Лодка скользила по воде, не оставляя следа. Туман сгустился, поглощая звук весел, цвет, время. Воздух стал густым и пахнущим старой бумагой, ладаном и холодным камнем. Потом, без предупреждения, он *разорвался*.

Она возникла. Академия.

Не замок в готическом понимании, а нагромождение невозможного. Часовня с устремленными в небо шпилями перетекала в античные колоннады, которые, в свою очередь, уступали место стенам из черного стекла и стали, похожим на гигантский орган. Башни закручивались в спирали, нарушая законы физики. Мосты, тонкие как паутина, пересекали пропасти между крыльями на головокружительной высоте. Это была не постройка, а симфония, застывшая в камне и свете. И свет этот... Он исходил не от факелов или окон. Сами стены, каменные блоки, витражи излучали мягкое, мерцающее сияние – теплое в одних местах, ледяно-голубое в других.

«Сила Эхо», – прошептала Элис про себя, вспоминая скупые строки письма. *Магия, заключенная в красоте, в искусстве, в сильном чувстве, оставленном в материи*.

Лодка причалила к молу из темного, отполированного водой дерева. Перевозчик молча указал на узкую лестницу, вырезанную в скале. Никакой встречи. Ни стражей. Лишь открытые ворота – арка, украшенная каменными птицами. Они были так искусно вырезаны, что казалось, вот-вот сорвутся в полет. Но при ближайшем рассмотрении Элис замерла. Их глаза были не камнем, а кусочками обсидиана, глухими, пустыми. И позы... Это не был полет. Это был *погрывальный* полет. Крылья были расправлены в последнем, отчаянном взмахе перед падением.

Она переступила порог.

Тишина обрушилась на нее, но это была не тишина отсутствия звука. Она была плотной, насыщенной, словно само пространство здесь приглушало любой шум, не принадлежащий ему. Воздух вибрировал от неслышной ноты. Элис на мгновение закрыла глаза, и привычный, нежеланный дар дал о себе знать.

Она *видела*.

Не глазами. Каким-то внутренним зрением, которое открывалось болезненным спазмом в висках. На отполированном полу из черного мрамора проступали полупрозрачные следы – не от грязи, а от *эмоций*. Там, где кто-то в волнении останавливался, клубилось серебристое марево. Там, где смеялся, оставалось легкое золотистое пятно, быстро тающее. А в углах, в щелях между камнями, пульсировали более темные, густые оттенки: синева тоски, багровые всполохи старого гнева, серые, усталые разводы сомнения. Это и было «Эхо» – эмоциональный осадок, оставленный тысячами душ, прошедших здесь. Для Элис это всегда было фоном мира, его изнанкой, которую она отчаянно пыталась игнорировать. Здесь же это излучалось из самих стен, было частью архитектуры.

«Контроль, – напомнила она себе, сжимая руку в кулак, пока ногти не впились в ладонь. – Я здесь, чтобы научиться контролировать это. Чтобы сделать из проклятия – дар».

По огромному вестибюлю, больше похожему на собор, двигались другие новички. Их было немного, человек двадцать. Все они несли на себе печать исключительности: прямой стан скрипачки, мечтательный взгляд художника, сосредоточенная гримаса юного архитектора с циркулем в руке. Их лица были озарены любопытством и благоговением. Элис же чувствовала только нарастающую тревогу. Ее взгляд скользнул по стенам, покрытым фресками невероятной красоты. Но под их красками она видела другое – тонкие, почти невидимые *шрамы*. Темные линии, будто трещины в самом воздухе, там, где «Эхо» было не просто оставлено, а... вырвано. С усилием. Эти шрамы не излучали ничего. Они были пустотой, которая всасывала в себя свет и звук.

Ее отвлек голос – низкий, бархатный, прорезающий тишину, как смычок по струне.

«Добро пожаловать в Сильван, дети Красоты».

По центральной лестнице спускался мужчина. Профессор Кассиан Мор. В письме о нем говорилось как о декане факультета Скорби. Элис ожидала увидеть старца в мантии. Но он был молод – или казался таковым. Его темные волосы были собраны в небрежный узел, лицо с резкими, аристократическими чертами хранило выражение легкой, вежливой усталости. Одет он был не в рясу, а в простой темно-серый костюм, лишь накидка на плечах отдавала старинной. Но глаза... Глаза были цветом позднего сумеречного неба, и в них не было ни тепла, ни гостеприимства. Лишь глубокая, изучающая внимательность.

«Вы здесь, потому что мир для вас слишком громок, слишком груб, слишком слеп, – начал он, его голос, не повышаясь, заполнил все пространство. – Вы чувствуете больше, чем другие. Видите линии, скрытые в хаосе. Слышите музыку в падении капель. Здесь вы научитесь не просто творить. Вы научитесь *воплощать*. Превращать чувство в форму, мысль – в материю, боль – в силу. Это и есть магия Сильвана. Магия Эхо».

Он повел рукой, и свет в зале заиграл по-новому. От фрески с изображением оркестра полились тихие, призрачные звуки скрипки. От статуи танцующей нимфы повеяло запахом весеннего луга. Студенты ахнули. Элис почувствовала тошноту. Для них это было чудо. Для нее – наложение слоев реальности, от которого закружилась голова. Она видела не только свет и слышала не только звук. Она видела *след* чьей-то невероятной радости, вплетенный в краску, и слышала эхо давно умолкшего восторга.

Профессор Мор продолжал говорить о дисциплинах: «Гармония» (музыка и звук), «Палитра» (живопись и цвет), «Канва» (литература и слово), «Фундамент» (архитектура и форма). И его собственный факультет – «Скорбь» (изучение утраты, завершенности и... тишины).

«Но помните, – его голос упал до шепота, и все невольно наклонились вперед, – истинное Эхо, самое сильное и вечное, рождается не в сиянии триумфа. Оно куется в тигле потери. В последнем аккорде незавершенной симфонии. В последнем мазке недописанной картины. В

моменте, когда прекрасное готово уйти, оставив после себя... пустоту, способную вместить целые миры».

Его взгляд, скользя по толпе, на мгновение остановился на Элис. Не на лице. На ее руках, сжатых в белых костяшках. Казалось, он что-то *увидал*. Затем взгляд отклеился.

После речи их повели распределять по комнатам в западном крыле, «Крыле Новых Листьев». По пути Элис старалась идти позади всех, дыша глубоко, пытаясь унять барабанную дробь в висках. Она проходила мимо высоких арочных окон. За одним из них, в маленьком, уединенном дворике, она увидела его.

Студента. Он сидел на каменной скамье, абсолютно неподвижно, уставившись в заросший плющом фонтан. Ему могло быть лет двадцать. На коленях лежала закрытая книга. Но не это привлекло внимание Элис. От него не исходило *ничего*. Ни единой вспышки Эхо. Ни волнения, ни скуки, ни печали. Вокруг других студентов клубился легкий, меняющийся туман эмоций. Вокруг него была стерильная, пугающая чистота. И его лицо... Оно было прекрасно, как лицо мраморного ангела, и так же безжизненно. Пустые глаза отражали серое небо.

Рядом с ней остановился один из старост, юноша с симпатичным лицом.

«Не обращай внимания, – сказал он, заметив ее взгляд. – Это Рен. Он с факультета Скорби. После глубокого изучения дисциплины иногда... немного отрешаются. Бывает».

В его голосе прозвучала заученная, неискренняя успокаивающая нотка. Рен повернул голову. Его взгляд скользнул по Элис. Не было ни любопытства, ни враждебности. Абсолютное, леденящее безразличие. Но в глубине этих пустых глаз, всего на долю секунды, Элис почудилась искра. Не жизни. А чего-то другого. Знания? Предупреждения? Потом он снова уставился в фонтан.

Комната Элис оказалась в высокой башне. Небольшая, круглая, с окном, выходящим на бескрайнее море тумана и острых горных пиков. Камин уже горел, отбрасывая танцующие тени на стены из темного дерева. Мебель была проста, но изысканна: кровать с балдахином, письменный стол, полки для книг. И тишина. Та самая, густая, впитывающая звук.

Когда дверь закрылась, Элис прислонилась к ней, чувствуя, как напряжение последних часов наконец находит выход. Она провела рукой по холодному камню стены рядом с дверью. И вздрогнула.

Под пальцами была не гладкая поверхность. Легкая, едва ощутимая впадина. Рваный штрих, потом еще один. Она отступила, прищурилась. При свете огня она разглядела: это были царапины. Неглубокие, будто оставленные отчаявшимися ногтями. Они складывались в нечеткий, судорожный рисунок. Почти как... птица. Такая же, как на печати и на воротах. Птица в последнем конвульсивном взмахе.

Элис резко отдернула руку. В комнате стало холодно. Она подошла к окну, пытаясь отогнать мурашки по коже. Туман снова сгустился, поглощая горы. В его глубине, далеко-далеко, на одной из дальних, самых темных башен, ей почудился слабый, одинокий огонек. Он горел не теплым светом стен, а ядовито-зеленым, мерцающим, как глаз ночной хищницы.

И тогда снова заработал ее дар, против ее воли. Она не просто видела огонек. Она *почувствовала* его. Оттуда, сквозь мили тумана и камня, тянулась нить не Эхо. А его противоположности. Той самой пустоты, что оставляли шрамы. Это было чувство тихого, методичного *высасывания*. Вытягивания чего-то живого, яркого и теплого в эту холодную, зеленую точку.

Элис отпрянула от окна, сердце бешено колотясь. Она обернулась, осматривая свою маленькую, казалось бы, безопасную комнату. Тени от камина плясали на стене, и на мгновение ей показалось, что очертания этих теней – не просто игра света. Они повторяют изгибы царапин на двери. Крылья. Клюв. Пустые глазницы.

Она зажмурилась.

«Контроль, – отчаянно прошептала она в тишину, которая теперь казалась не благословением, а удушающим покрывалом. – Я здесь, чтобы научиться контролю».

Но где-то в глубине души, там, где звучало эхо ее собственной, давней потери, уже зарождалось понимание. Академия Святого Сильвана не собиралась учить ее контролировать дар. Она собиралась показать ей, для чего этот дар *на самом деле* может быть использован. И первый урок уже начался. Урок тишины. Урок наблюдения. Урок страха, который пока еще только шелестит крыльями в темноте, как те каменные птицы над воротами, готовые в любой момент сорваться в немой, стремительный полет.

Глава 2: Геометрия обещаний

Солнце в Сильване было вежливым гостем, но не хозяином. Оно пробивалось сквозь вечный высокогорный туман не лучами, а бледными, рассеянными пятнами, которые скользили по стенам, как призраки. Элис проснулась от тишины. Не от звука – от её качества. Это была не тишина сна, а напряженная, внимательная тишина самого здания, будто академия прислушивалась к дыханию своих новых обитателей.

Вчерашние царапины на стене у двери при свете дня казались просто дефектом камня, игрой теней. Зеленый огонек на далекой башне растворился в молочной пелене тумана. Рациональная часть сознания убеждала Элис, что всё было плодом усталости и перевозбуждения. Но под кожей, в месте, где рождалось её внутреннее зрение, оставался холодок – крошечная, ледяная заноза.

Завтрак подавали в «Ректорском Зале» – помещении с потолком, расписанным движущимися фресками. Облака на них медленно плыли, птицы порхали от одного края неба к другому. Эхо, застывшее в красках, было настолько сильным, что у неподготовленного человека могла закружиться голова. Элис, сидя за длинным дубовым столом, сосредоточенноковыряла вилок запеченное яблоко, стараясь не смотреть вверх. Она научилась фокусироваться на материальном, на простых вещах: текстуре дерева, вкусе корицы, звуке тихого перешепота вокруг. Звук смеха, чистого и громкого, заставил её поднять глаза.

Тот самый юноша, оптимистичный староста, сидел через несколько мест, оживленно что-то рассказывая группе новичков. Он чертил в воздухе стремительные линии, и даже без дара Элис видела, как его жесты оставляют в пространстве лёгкий, серебристый след восторга.

«...и если изменить угол наклона арки всего на полградуса, нагрузка распределится не вниз, а *наружу*, создавая ощущение, будто весь мост вот-вот взлетит!» – его голос был полон такой неукротимой энергии, что казалось, вот-вот сорвёт с петель тяжёлые дубовые двери.

Это был Лео. Лео с факультета «Фундамент». Элис узнала его по циркулю, торчащему из кармана его практичного холщового пиджака. Его Эхо было самым ярким в зале – не ослепительным, а *тёплым*. Оно пахло чертежной бумагой, свежей стружкой и мечтой.

Их взгляды встретились. Лео не стал смущенно отводить глаза, как сделали бы многие. Он широко улыбнулся и махнул ей рукой, будто они были старыми знакомыми. Элис, застигнутая врасплох, кивнула в ответ и снова уткнулась в тарелку, чувствуя, как по щекам разливается нелепый румянец.

После завтрака началось распределение по вводным занятиям. Элис, чьи документы указывали на «особую чувствительность к наслоениям эмоциональных паттернов», была направлена, как она и ожидала, на факультет Скорби. Её первой парой значилось «Введение в перцепцию Эхо: теория и базовая медитация».

Аудитория факультета Скорби находилась не в одной из высоких, устремлённых в небо башен, а в цокольном этаже восточного крыла, «Крыла Отзвука». Чтобы попасть туда, нужно было спуститься по винтовой лестнице из чёрного базальта, которая уходила вглубь, подобно корню, впивающемуся в тело горы. Воздух становился прохладнее, суше. Исчезал запах воска и древесины, заменяясь ароматом старого пергамента, сухих трав и чего-то ещё – лёгкого, металлического, напоминающего озон после грозы.

Сама аудитория была круглой, без окон. Её стены были отполированы до зеркального блеска, но отражали они свет необычно – дробя его, как призма. Источником света служил единственный шар из матового стекла, парящий под потолком и испускающий ровное, нейтральное сияние. В центре комнаты на полу из тёмного сланца был выложен сложный геометрический лабиринт из серебряной инкрустации.

В комнате уже сидело несколько студентов. Все они казались сосредоточенными, даже слегка отрешёнными. Элис невольно начала сканировать их своим внутренним зрением. У большинства было тусклое, ровное свечение – контроль, закрытость. А потом её взгляд упал на фигуру, сидящую у дальней стены.

Рен.

Он сидел, скрестив ноги, его спина была идеально пряма, а руки лежали на коленях ладонями вверх. От него по-прежнему не исходило ничего. Ни единой вспышки. Он был «слепым пятном» в насыщенном эмоциями пространстве аудитории. Но сегодня, в этой комнате, предназначенной для восприятия, его пустота казалась не просто отсутствием. Она была *заявлением*. Актом невероятной силы или невероятной утраты.

В дверь вошёл профессор Мор. Он был в той же тёмно-серой одежде, но сегодня на его пальце Элис заметила перстень – простой ободок из чёрного дерева с вкраплением того же матового минерала, что и в шаре под потолком.

«Перцепция, – начал он без преамбулы, его голос, низкий и ровный, идеально ложился на тишину комнаты, – это не дар. Это дисциплина. Природная чувствительность – лишь сырая руда. Без контроля она приведёт вас к безумию, ибо мир полон шумов. Прошрое кричит. Стены шепчут. Каждый осколок разбитого сердца всё ещё истекает невидимой кровью».

Он прошёлся по краю серебряного лабиринта. «Ваша задача – научиться настраивать свой внутренний инструмент. Отфильтровывать шум. Находить нужную частоту. А для этого сначала нужно познать тишину внутри себя. Абсолютную тишину».

Профессор Мор объяснил основы. Эхо – это резонанс. Чтобы его услышать, нужно замедлить собственный «гул» – бег мыслей, вибрацию эмоций. Он велел им сесть по точкам лабиринта, принять удобную позу и сконцентрироваться на дыхании. «Не пытайтесь что-то *увидеть* или *услышать*. Просто станьте сосудом. Пустым сосудом».

Элис закрыла глаза. Она пыталась следовать инструкциям, но её собственная чувствительность была дикой, необузданной вещью. Как только она пыталась утихомирить свой ум, на неё накатывали волны извне. Она чувствовала лёгкую нервозность девушки слева, скупающую усталость юноши справа, холодную сосредоточенность Рена напротив. И стены... стены здесь хранили Эхо сотен медитаций. Они гудели низкой, едва слышной нотой сосредоточенности, перемешанной с оттенками давнего разочарования и редких проблесков озарения.

«Вы пытаетесь поймать эхо, мисс Вейн, – раздался голос прямо рядом с ней. Она вздрогнула и открыла глаза. Профессор Мор стоял над ней, его лицо было невозмутимо. – Перестаньте ловить. Разрешите ему войти. Или не войти. Вы – не охотник. Вы... дверной проём».

Она кивнула, снова закрыла глаза. Это было невыносимо сложно. Она всегда была охотником за этими видениями, бессознательным, но охотником. Теперь ей велели просто быть.

И тогда случилось нечто странное. Не через зрение, а через иное чувство – чувство пространства. Она ощутила *искажение*. Тонкое, как дрожь в воздухе перед грозой. Оно исходило не от людей, а от серебряного лабиринта на полу. Геометрические линии на секунду словно бы *сдвинулись*, стали чуть глубже, поглотив свет, а не отразив его. И в этот миг из пустоты Рена донёсся... звук. Не звук ушами. Эхо звука. Один-единственный, чистый, пронзительный камертон, который прозвучал и тут же был безжалостно заглушён, утоплен в абсолютной тишине, которую он же и породил. Это было так быстро и так болезненно, что у Элис вырвался короткий, сдавленный вздох.

Рен открыл глаза. Его пустой взгляд встретился с её потрясённым. В его глазах не было ни удивления, ни гнева. Лишь слабый, едва уловимый отблеск чего-то, что можно было принять за... понимание. Или предостережение. Он медленно, почти незаметно, покачал головой: *нет*.

«У некоторых из вас есть естественный барьер, – снова заговорил профессор Мор, отходя от Элис и обращаясь ко всей группе. Он говорил о сознательном контроле. Но Элис знала, что это не было контролем Рена. Это было *отсутствием* того, что должно было быть. Как если бы

в середине оркестра внезапно умолкла скрипка, и на её месте осталась лишь немая, зияющая пустота.

Занятие закончилось. Студенты молча поднимались, некоторые потирали виски. Элис чувствовала себя истощённой, будто её мозг просеяли через мелкое сито.

«Мисс Вейн, – остановил её профессор Мор у выхода. – Останьтесь на минуту».

Когда аудитория опустела, он рассматривал её с тем же аналитическим интересом, с каким учёный рассматривает редкий экземпляр.

«Вы почувствовали сдвиг в матрице лабиринта, – заявил он, не как вопрос. – И услышали разрыв в тишине Рена».

Элис испугалась. «Я... я не уверена, профессор. Мне просто стало не по себе».

«Не лгите себе, – мягко сказал он. – В этом месте самообман – роскошь, которую вы не можете себе позволить. То, что вы ощутили – это след. След процедуры. Лабиринт – не просто узор. Это инструмент для калибровки восприятия... и для измерения его отсутствия. Рен прошел через полную «Гармонизацию». Его личный резонанс был приведён к нулю, чтобы он мог воспринимать чистые, незамутнённые паттерны внешних Эхо, не внося собственных искажений». Он сделал паузу, давая ей осмыслить. «Это высшая степень дисциплины на нашем факультете. И высшая жертва».

Жертва. Слово повисло в холодном воздухе.

«Зачем?» – выдохнула Элис.

«Чтобы слышать правду, нужно замолчать самому, – ответил Мор. – Но не беспокойтесь. Для вас, с вашим уникальным... врождённым талантом, такой путь вряд ли будет предписан. Ваша сила в ином. В способности видеть не только само Эхо, но и следы его изытия. Эти «шрамы», как вы их мысленно называете».

Элис похолодела. Он знал. Он читал её как открытую книгу.

«Это ценнейший дар, мисс Вейн, – продолжил он, и в его голосе впервые прозвучали ноты чего-то, похожего на искренний интерес. – Большинство видят лишь прекрасный светильник. Вы же способны разглядеть, где фитиль был обрезан. И это... это ключ к пониманию истинной природы нашей работы. Работы по сохранению красоты».

Он отпустил её, порекомендовав перед следующим занятием посетить библиотеку и прочесть «Трактат о резонансных пустотах» некоего Алгесто. Выйдя на лестницу, Элис чувствовала себя не учеником, получившим задание, а пешкой, которую только что передвинули на новую клетку доски, правила которой ей не до конца ясны.

Она заблудилась. Пытаясь найти дорогу в главное здание, она свернула не в ту арку и оказалась в длинной, узкой галерее, освещённой не обычным светом, а витражами. Они были ослепительны. На них были изображены не святые или библейские сцены, а абстрактные всплески цвета, которые, однако, вызвали совершенно конкретные чувства: витраж из кобальта и ультрамарина навевал тихую, созерцательную грусть; композиция из алого и золотого – ликующий, почти агрессивный восторг.

И вот, в конце галереи, она увидела его. Лео. Он стоял спиной к ней, перед огромным, от пола до потолка, витражом, который был... пуст. Точнее, не пуст. Он был собран из сотен кусочков стекла чистого, холодного, слепящего белого цвета. Ни оттенков, ни узоров. Просто белизна.

Лео не просто смотрел на него. Он *взаимодействовал* с ним. Он водил перед ним руками, как дирижёр, и белое стекло откликалось. В его толще зарождались и гасли слабые геометрические тени, проступали и таяли контуры арки, купола, спирали. Он творил архитектуру из света и тени внутри стекла, и его Эхо в этот момент было таким ярким, таким сосредоточенным и счастливым, что у Элис перехватило дыхание. Он не просто одарённый. Он был гением, слившимся со своим искусством.

Внезапно он опустил руки, и тени в стекле исчезли. Он обернулся, и его лицо осветилось улыбкой, увидев её.

«Эй! Ты же новенькая с факультета Скорби! Видела? Это «Канва Белого» – пробный витраж. Он не хранит готовое Эхо, он отражает и усиливает то, что в него вкладываешь. Я проверяю акустику пространства... ну, световую акустику». Он говорил стремительно, его слова обгоняли друг друга. «Меня зовут Лео. Ты, наверное, ещё вся в медитативных практиках? Мор напустил на вас своего сумрачного величия?»

Его непосредственность была такой контрастной всему, что Элис видела с момента прибытия, что она невольно расслабилась и улыбнулась. «Элис. И да, можно сказать. Ты... это было невероятно».

Лео махнул рукой, но его глаза сияли. «Ерунда. Просто разминка. Знаешь, я мечтаю сделать нечто большее. Есть идея для нового крыла библиотеки – структура, которая будет резонировать не со светом, а с тишиной. Чтобы в разных её залах звучали Эхо разных видов спокойствия...» Он увлёкся, снова начав чертить в воздухе. Потом спохватился. «Ой, прости. Я всегда так. Ты, наверное, ищешь дорогу? Пойдём, я проведу тебя. Этот лабиринт из коридоров способен довести до слёз любого, кто не чувствует логики камня».

Они пошли вместе. Лео болтал о своих проектах, о профессорах, о лучших местах в саду для уединения. Он был подобен солнечному лучу, случайно проникшему в подземелье. И глядя на него, на его безудержную, щедрую энергию, Элис с неожиданной ясностью осознала тот холодный, методичный голос профессора Мора: *«...истинное Эхо, самое сильное и вечное, рождается не в сиянии триумфа. Оно куется в тигле потери.»*

И её внутреннее зрение, против её воли, скользнуло по сияющему контуру Лео, по его яркому, тёплому Эхо. И на мгновение ей показалось, что она видит не только его свет, но и... его тень. Не ту, что падала на пол. А иную. Тончайшую, едва намеченную нить, тянущуюся от него куда-то вглубь академии, в сторону той самой далёкой тёмной башни. Как если бы его гений был не только его собственным, но и *учтённым активом*, уже внесённым в какую-то чудовищную бухгалтерскую книгу.

Она резко моргнула, и видение исчезло.

«...так что если захочешь посмотреть настоящие чертежи спиральных лестниц эпохи Воплощённой Гармонии, просто скажи, – закончил Лео, выводя её к знакомому вестибюлю. Он улыбался, и в его глазах не было ни тени той пустоты, что была в глазах Рена. Только живой, ненасытный огонь творчества.

«Спасибо, Лео, – сказала Элис, и её голос прозвучал тише, чем она хотела. – Было приятно».

«Взаимно! Увидимся!» – он помахал ей на прощание и почти побежал по коридору, его силуэт быстро растворился в игре света и тени.

Элис осталась стоять одна в вестибюле, под безмолвным взором каменных птиц на арке. Контраст был оглушительным: ледяная дисциплина Скорби и пламенеющая жажда жизни Лео. Пустота Рена и переполненность профессора Мора знанием, которое он не договаривал.

И она поняла. Её дар – видеть шрамы – был не просто любопытной аномалией. В Сильване он был компасом. И он указывал не на свет, а на те самые пустоты, куда свет когда-то ушёл. На историю, которую академия так старательно переписывала в красках и звуках, замывая провалы тишины свежими, яркими мазками.

Она посмотрела на свою руку, которой накануне коснулась царапин на двери. Птица в последнем взмахе. Не приветствие. Не украшение.

Предупреждение.

Глава 3: Тракта́т о ненаписанных симфониях

Библиотека Академии Сильвана называлась «Фолиантом». Это не было метафорой. Здание, в котором она размещалась, с высоты напоминало гигантскую раскрытую книгу: два изогнутых крыла из светлого песчаника, соединённых центральным корешком-башней с часами, циферблат которых был украшен не цифрами, а знаками зодиака и алхимическими символами.

Внутри же это был лес. Лес из историй. Полы были выстланы тёмным дубом, который глухо поскрипывал под ногами. Бесконечные стеллажи из чёрного дерева уходили ввысь, на пять, а то и шесть ярусов, теряясь в полумраке под сводами, расписанными звёздными картами. Между ними вились ажурные чугунные лестницы и мостики. Воздух был густым и священным, пропитанным запахом старой бумаги, кожи переплётов, сухих чернил и чего-то ещё – лёгкой электрической статики, исходящей от самого знания.

Элис стояла в центре главного зала, чувствуя себя песчинкой. Её задание – найти «Тракта́т о резонансных пустотах» Алгесто – казалось теперь невероятно наивным. Как найти одну иголку в стоге сена, который сам по себе является живым, дышащим организмом?

Она обратилась к библиотекарю – сухопарому мужчине с лицом, похожим на высушенное яблоко, и глазами, увеличенными толстыми линзами очков. Он, не отрываясь от каталога на столе (который сам по себе был сложным механическим устройством с вращающимися цилиндрами и щёлкающими карточками), ткнул костлявым пальцем в сторону восточного крыла.

«Секция мета-теоретической эхомагии. Подраздел «Нулевые и отрицательные резонансы». Алгесто будет под буквой «Альфа», а не «А». И помните, мисс, трактат зачарован. Он не потерпит суеты».

Секция оказалась ещё более уединённой и мрачной. Свет здесь давали не люстры, а стеклянные шары, плавающие у потолка и излучавшие тусклый, голубоватый свет, похожий на лунный. Полки здесь были реже, а книги выглядели иначе. Переплёты не из кожи, а из какого-то серого, шершавого материала, похожего на камень или спрессованный пепел. Замочки на многих были не металлическими, а словно вылепленными из чёрного воска.

«Алгесто. Тракта́т о резонансных пустотах», – прошептала Элис, скользя пальцами по корешкам. Имена здесь были вытиснены не золотом, а серебром, и светились тускло, как давно погасшие звёзды. И вот он. Небольшой, неприметный фолиант. Переплёт был холодным на ощупь. Восковой замочек поддался при её прикосновении с тихим щелчком, будто вздохнул.

Она устроилась за одним из узких столиков у высокой, узкой витражной стрельчатой окна. Витража здесь не было – окно было закрыто матовым стеклом, рассеивавшим свет. Открыв книгу, Элис ожидала увидеть пожелтевшие страницы с выцветшими чернилами. Но страницы были белыми, идеально чистыми. Лишь когда она наклонилась ближе, текст проявился – не как напечатанные буквы, а как тени, отбрасываемые невидимыми чернилами под определённым углом зрения. Это было сложно читать, требовало полной концентрации.

Алгесто, как выяснилось, был не поэтом, а скорее инженером от магии. Его трактат был сухим, техничным и от этого вдвойне ужасающим. Он описывал «Эхо» не как вдохновение, а как энергию, подчиняющуюся законам сохранения и трансформации. И самым стабильным, самым «энергоёмким» видом этой энергии, по его утверждению, было не Эхо радости или творческого порыва, а **Эхо нереализованного потенциала**.

«Рассмотрим скрипача-виртуоза, – гласил текст, тени букв дрожали на странице. – Его исполненная симфония оставит яркий, но недолговечный след – вспышку. Прерванная же на самом пике, недопетая нота создаст напряжение. Незавершённый геистальт. Эта потенциальная энергия, энергия «могло бы быть», не рассеивается в мире. Она конденсируется. Становится кристаллом тишины, способным питать структуры века. Скорбь по утраченной возможности – самый чистый катализатор».

Элис читала, и холод проникал всё глубже, сквозь кожу, в кости. Автор бесстрастно рассуждал о «методах индукции контролируемой незавершённости», о «стадиях экстракции паттерна таланта до его материального воплощения», о «оптимальных эмоциональных состояниях субъекта для получения качественного Эхо-кристалла».

Это была инструкция. Инструкция по тому, как сделать из человека батарейку. Как взять его мечту, его гений, его самое светлое и превратить в топливо для вечных фонарей и несокрушимых стен.

Её руки задрожали. Она вспомнила пустоту Рена. «Полная гармонизация». Она вспомнила яркое, тёплое Эхо Лео. И ту едва уловимую тень, нить, что потянулась от него вглубь академии.

Её внутреннее зрение, её проклятый дар, вдруг сработал сам по себе, без её воли. Но на этот раз он обратился не вовне, а на саму книгу. Она откинулась на стуле, и её взгляд расфокусировался.

И она увидела.

Трактат Алгесто не просто содержал информацию. Он и сам был носителем Эхо. Но какого! От него не исходило ни страсти исследователя, ни торжества открытия. От него тянулись тонкие, колючие, серые нити. Нити холодного, расчётливого **сожаления**. Не эмоционального, а интеллектуального. Сожаления о несовершенстве методов, о потерях энергии в процессе, о неидеальных «субъектах». Это был Эхо палача, сожалеющего, что топор затупился.

И сквозь этот серый туман она увидела шрам. Прямо на открытом развороте. Темнее, чем окружающие тени текста. Формой он напоминал... птичье крыло. То самое. Оно будто проступало из самой глубины бумаги, из её волокон, будто кто-то, читая это много лет назад, в отчаянии вцепился в страницу и оставил отпечаток не пальцев, а самой своей утраченной сущности.

Элис с силой захлопнула книгу. Звук был громким, как выстрел, в благоговейной тишине зала. Несколько студентов на других столах подняли на неё неодобряющие взгляды. Она едва сдерживала дрожь.

«Нашёл пищу для ума, мисс Вейн?»

Она вздрогнула и резко обернулась. Профессор Мор стоял в нескольких шагах, прислонившись к стеллажу. Он держал в руках другой том, но его внимание было всецело приковано к ней. В его взгляде не было укора, лишь любопытство.

«Это... это чудовищно», – выдохнула она, не в силах совладать с эмоциями.

«Честно, – поправил он, делая шаг ближе. Его голос был спокоен. – Алгесто был чудовищно честен. Он не приукрашивал природу вещей. Магия не возникает из ничего, Элис. Красота требует жертвы. Вопрос лишь в её масштабе». Он поставил свою книгу на стол и сел напротив, сложив пальцы домиком. «Вы видите шрамы. Вы видите пустоты. А теперь вы узнали, чем они заполняются. Считайте, что ваш настоящий учебный год начался».

«Вы... вы одобряете это?» – спросила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы гнева и ужаса.

«Одобрять или не одобрять закон гравитации бессмысленно, – сказал он. – Его можно принять и использовать. Или разбиться, пытаясь его отрицать. Сильван стоит уже пять веков. Его стены пережили войны, эпидемии, варварские нашествия. Свет в его окнах никогда не гас. Он – оплот знания и красоты в мире, который слишком часто склоняется к хаосу и уродству. И всё это – благодаря дисциплине. Благодаря пониманию цены». Он посмотрел на зажатый в её руках трактат. «Что ценнее: дать одному гению прожить яркую, но короткую жизнь и кануть в Лету, или... аккуратно сберечь его искру, чтобы она вечно согревала тысячи?»

«Вы крадёте у них будущее!» – прошептала она.

«Мы спасаем настоящее от забвения, – мягко парировал он. – И поверьте, не каждого касается эта участь. Только избранных. Только тех, чей талант настолько ярок, что его рассеивание было бы преступлением перед миром. Лео, например».

Имя прозвучало как удар в живот. Элис почувствовала, как кровь отливает от лица.

Мор уловил её реакцию. Лёгкая, почти невидимая улыбка тронула уголки его губ. «О, да. Он – идеальный кандидат. Его дар к архитектуре не просто техничен. Он *интуитивен*. Он чувствует музыку камня. Такое Эхо, если его правильно... законсервировать, могло бы укрепить фундаменты Сильвана на следующие пятьсот лет. Избавить от необходимости повторять процедуру для десятков других, менее одарённых».

«Вы говорите об этом, как о... благородном деле», – сказала Элис, и её голос звучал чужим.

«Это и есть благородное дело. Трагическое. Тяжёлое. Но благородное. Мы – садовники, Элис. Иногда нужно обрезать самый прекрасный бутон, чтобы спасти всё дерево». Он встал. «Подумайте над этим. И подумайте о том, где бы вы хотели находиться: среди тех, кто платит цену, или среди тех, кто её назначает, стараясь минимизировать страдания. Факультет Скорби – это не место для сентиментальностей. Это место для принятия самых трудных решений. Вы показали, что способны видеть правду. Вопрос в том, хватит ли у вас сил её принять».

Он ушёл, растворившись между стеллажами, оставив её наедине с холодным томом и ещё более холодным осознанием.

Она не помнила, как вышла из библиотеки. Туман сгущался, окутывая академию молочной пеленой, скрадывая острые углы башен, превращая мир в размытую акварель. Она шла, не видя пути, и ноги сами принесли её в тот самый уединённый дворик с заросшим плющом фонтаном.

Рен сидел там. На том же месте. В той же позе. Но сегодня у него на коленях лежал не книга, а небольшой блокнот и кусок угля. Он что-то чертил, механически, бездумно. Элис подошла ближе и замерла. На странице были не чертежи и не картины. Это были ряды безупречных геометрических фигур. Идеальные кубы, сферы, пирамиды. Они были вычерчены с инженерной точностью, но в них не было ни души, ни замысла. Это была гимнастика для пустых рук.

«Вы знали», – тихо сказала Элис. Её голос был хриплым.

Уголь в пальцах Рена замер на мгновение, оставив на бумаге жирную точку. Он медленно поднял голову. Его глаза были по-прежнему пусты. Но сегодня она смотрела глубже. И в этой пустоте она увидела не отсутствие, а **след**. Как шрам на коже. Как царапину на камне.

«Они взяли у тебя твой дар?» – спросила она, уже не боясь.

Рен отложил уголь. Он взглянул на свои чертежи, потом на свои руки – длинные, тонкие пальцы, идеальные для игры на пианино или виртуозного рисунка. Потом его взгляд вернулся к Элису. Он медленно, почти незаметно кивнул. Один раз.

«Что они взяли?» – прошептала она.

Он наклонился к блокноту, перевернул страницу. Углём, одним стремительным, но бессиленным движением, он нарисовал не фигуру. Он нарисовал **ключ**. Сложный, витиеватый, старинный ключ от какого-то невероятного механизма. Потом он посмотрел на неё и провёл пальцем по горлу. Чёткий, ясный жест: *замолкло*.

Его дар был связан с механизмами. С замками. С пониманием того, как всё устроено внутри. И теперь этот дар был выключен. Заперт на ключ, которого у него больше не было.

«Почему ты всё ещё здесь?» – спросила Элис, и в её голосе прозвучала жалость, от которой она тут же возненавидела себя.

Рен пожал плечами – медленный, апатичный жест. *Куда идти?* Потом он снова взглянул на неё. И в его пустых глазах снова мелькнула та самая искра. На сей раз это было не предупреждение. Это было **послание**. Он поднял руку и указал. Не на неё. Не на фонтан. А на одно из

окон второго этажа, выходящих во дворик. Окно было узким, готическим. За ним угадывался интерьер – полки, стол. Мастерская или кабинет.

Лео. Это было окно одной из общих мастерских факультета «Фундамент». Там, наверное, прямо сейчас, он что-то яростно чертил, строил свои воздушные замки из линий и расчётов, даже не подозревая, что его уже измерили, взвесили и наметили для вечного хранения в качестве энергетического кристалла в фундаменте.

Рен опустил руку. Его послание было ясным: *Он следующий.*

Внезапно, где-то в глубине академии, пробили часы на библиотечной башне. Глухой, гулкий звук, который нёсся по камням, обрастая эхом. Рен вздрогнул, как от удара током. Его тело напряглось, а глаза, на секунду отразившие что-то живое, снова остекленели. Он поднялся, собрал свой блокнот и уголь и, не глядя на Элис, пошёл прочь, его силуэт быстро растворился в арке, ведущей в тёмный коридор.

Элис осталась одна под нависающими стенами. Туман спускался всё ниже, цепляясь за плющ, холодными пальцами касаясь её лица. Она подняла взгляд на окно мастерской. Там горел свет – тёплый, жёлтый, живой. Внутри двигалась тень. Широкая, размашистая, полная энергии. Лео.

А потом её взгляд упал на каменную облицовку фонтана прямо перед ней. И снова, против её воли, открылось внутреннее зрение.

Она видела не только старый камень. Она видела Эхо. Десятки, сотни слабых следов студентов, которые сидели здесь, мечтали, грустили, влюблялись. Но сквозь эту палитру, как сквозь ветхую ткань, проступали те самые тёмные шрамы. Их было много. Они сходились к этому месту, как линии магнитного поля, и уходили вглубь, под плиты дворика. И все они были в форме тех самых птиц. Птиц, вырезанных из ночи. Птиц в последнем взмахе.

Это было не просто украшение. Это было **клеймо**. Знак того, что здесь, в этом, казалось бы, мирном уголке, забрали чей-то полёт.

Элис обхватила себя руками, но холод шёл не снаружи. Он поднимался изнутри, из самой сердцевины понимания. Профессор Мор предлагал ей выбор: быть жертвой или палачом. Но глядя на свет в окне Лео, на угасшую пустоту, оставшуюся после Рена, она понимала, что есть и третий путь. Путь, которого нет в трактатах Алгесто.

Путь сопротивления. Тихий, опасный и безумный.

Она повернулась и пошла прочь, оставив дворик и его мрачные тайны позади. Но теперь она знала, что птицы на воротах при её прибытии были не предупреждением для неё. Они были **памятником**. И она поклялась себе, что Лео не станет ещё одним безмолвным изваянием в этом саду застывших взлётов.

Глава 4: Оранжерея сухих цветов

Неделя после «Великого проекта» Лео прошла в странном, тревожном ритме. Академия не изменилась. Светильники по-прежнему мерцали тёплым светом, фрески двигались, слышалась призрачная музыка в переходах. Но для Элис всё это приобрело оттенок грандиозной, блестящей лжи. Она ходила на занятия, выполняла медитации, училась различать оттенки «Эхо печали» и «Эхо ностальгии». Профессор Мор был внимателен, почти отечески корректен. Он словно ждал, когда её бунт уляжется, сменившись принятием неизбежного.

Лео тоже не исчез. Он был *здесь*. Ходил на лекции по архитектурной статике, сидел в столовой, улыбался. Именно это и было самым ужасным. Его улыбка. Она стала проще. Шире. Искренней, но лишённой того неугасимого внутреннего огня, что заставлял её сиять по-особенному. Он больше не чертил в воздухе стремительные арки. Не говорил о музыке камня. Его проекты стали технически безупречными, рациональными и... обычными. Он был похож на великолепную копию самого себя, сделанную умелым, но лишённым вдохновения мастером.

Элис избегала его. Встретив взгляд, она видела в его глазах дружелюбное, но слегка отстранённое любопытство, будто он не мог до конца вспомнить, почему они вообще разговаривали. Это была попытка – видеть живого человека, из которого вынули самую суть, оставив лишь приятную, функциональную оболочку.

Её единственной опорой в этом новом, перевёрнутом мире стал Рен. Вернее, не он сам – молчаливая, пустая гора, – а тот редкий, мимолётный проблеск сознания в его глазах. Он стал её тенью. Не преследующей, а сопровождающей. Она замечала его в дальнем конце коридора, когда шла на занятие. Видела, как он сидит в углу библиотеки, листая книгу, не видя текста. Он никогда не подходил первым, но всегда был *в зоне досягаемости*.

Именно он однажды вечером, когда Элис, не в силах выносить фальшивое веселье в общей гостиной, сбежала в самый дальний зал «Фолианта», подошёл к её столу. Он положил перед ней не книгу, а старую, потёртую географическую карту, нарисованную от руки. Это была карта академии, но не та, что висела в приёмной для новичков. Эта была другой. На ней не было названий залов и факультетов. Здесь были обозначены *потоки*.

Тонкими, цветными линиями были изображены движения энергии «Эхо». Яркие золотые ручьи струились из мастерских и концертных залов. Холодные серебристые нити тянулись из помещений факультета Скорби. И все они, как реки, впадающие в море, сходились в одно место – в ту самую дальнюю, тёмную башню с зелёным огоньком, которую Элис видела в первую ночь. Башня на карте была помечена не названием, а простым символом: стилизованным, закрытым бутоном.

Рен ткнул пальцем в башню, потом посмотрел на Элис, и в его глазах вспыхнуло прежнее, знакомое по дворику напряжение – смесь страха и решимости. Он поднёс палец к губам, а затем медленно провёл им по горлу. Точно такой же жест, как и тогда. *Замолкло*. Но на этот раз он указывал на место, где всё «замолкало» навсегда.

«Там Оранжерея», – прошептала Элис, вспоминая страшные догадки. Не сад живых растений, а хранилище срезанных, законсервированных талантов.

Рен кивнул. Затем его взгляд снова потух, и он, забрав карту, растворился между стеллажами, оставив её с бьющимся сердцем и страшным планом, который уже созревал в её голове.

Она не могла спасти Лео. То, что у него забрали, вернуть было нельзя – об этом ясно писалось в трактате Алгесто. Но она могла *увидеть*. Увидеть и, возможно, понять, как предотвратить это с кем-то ещё. Или хотя бы найти способ рассказать миру.

Подготовка заняла несколько дней. Она изучала карту, выданную Реном, сверяла её с реальными коридорами, искала слепые зоны в расписании патрулей старост (которые, как она теперь понимала, были не просто помощниками, а надзирателями). Она училась направлять

свой дар не пассивно, а активно – искать не яркие всплески «Эхо», а те самые «шрамы», пустоты, которые указывали на скрытые двери и заблокированные проходы. Её собственный факультет, Скорбь, невольно давал ей инструменты: медитации для приглушения собственного присутствия, умение различать фоновый «гул» здания от целенаправленных потоков энергии.

Рен помогал молча. Он оставлял в условленном месте – щели за рычащей горгульей в «Крыле Отзвука» – то отмычку странной формы (его бывший дар, вынутый, но не до конца забытый навык), то записку с условным знаком, указывающим на безопасное время. Он был её проводником в мире, который он знал изнутри, будучи его жертвой.

Ночь, выбранная для проникновения, была ночью «Тишины Полной Луны» – раз в месяц, когда все практики, связанные с активным использованием «Эхо», приостанавливались для «перезагрузки резонансных полей». Академия погружалась в особенно глубокую, звенящую тишину. Даже свет в стенах горел приглушённо.

Элис, одетая в тёмное, двигалась по спящим коридорам, как призрак. Её сердце колотилось так громко, что ей казалось, оно разбудит камни. Она использовала свой дар как сонар: посылала тонкий, внутренний импульс и «прислушивалась» к ответу. Шрамы на поверхности реальности вибрировали иначе, чем цельная материя. Они вели её, как тропинка из тёмных меток.

Путь к тёмной башне оказался не через парадные двери, а через лабиринт служебных ходов, вентиляционных шахт и даже один короткий участок, где пришлось проползти по ледяному каменному желобу, оставшемуся, видимо, от древнего русла подземного ручья. Воздух становился всё холоднее и суше, пахнувшим не озоном, а стерильной пылью и статическим электричеством.

Наконец, она упёрлась в стену. Гладкую, отполированную, из чёрного базальта. Ни двери, ни щели. Но её дар ясно показывал: прямо здесь был гигантский, вертикальный шрам. Шрам-шов. Он пульсировал слабым, болезненным светом, как незаживающая рана. Элис вспомнила отмычку Рена. Она была не железной, а вырезанной из чёрного дерева, с причудливыми, нетехническими изгибами. Девушка приложила её к центру шрама.

Ничего не произошло. Элис замерла, охваченная паникой. Потом она поняла. Она сконцентрировалась не на физической двери, а на самом *шраме*. На ощущении пустоты, утраты, боли, которые он излучал. Она позволила своему дару, своей собственной восприимчивости к таким вещам, *резонировать* с ним.

Деревянная отмычка в её руках вдруг стала тёплой. Тихий щелчок, не звуковой, а ощущаемый всем существом, прокатился по её костям. Чёрная стена перед ней *разошлась*. Не как дверь, а как завеса, как плёнка на поверхности воды, открывая узкий, тёмный проход. Это был не проём в камне. Это была брешь в самой реальности, удерживаемая на месте сложным заклятием и уходящая в абсолютную тьму.

Элис сделала шаг внутрь. Проход сомкнулся за её спиной беззвучно.

Она оказалась в полной, беспросветной темноте. И в тишине. Но не в благоговейной тишине библиотеки или медитационной залы. Это была тишина *вакуума*. Тишина после взрыва. Тишина, которая давила на барабанные перепонки, высасывала звук из самой мысли.

И тогда она почувствовала это. Не увидела – ещё не было света. Она *почувствовала* кожей, волосами, всем своим существом. Плотность. Не физическую, а эмоциональную. Воздух был тяжёл, как сироп, и насыщен до предела. Насыщен тем, что когда-то было страстью, болью, гением, восторгом, отчаянием. Всё это было здесь, собранное, спрессованное, но не живое. Мёртвое. Законсервированное.

Слабый, ядовито-зелёный свет зажёгся где-то в вышине, постепенно усиливаясь. Он не рассеивал тьму, а лишь прорисовывал её контуры. Элис стояла на узком чёрном мостике, который висел в пустоте гигантской, цилиндрической башни. Башня уходила вниз и вверх дальше, чем хватал глаз. А по её стенам, от пола до невидимой кровли, тянулись бесчисленные ячейки.

Сотни. Тысячи. Они напоминали пчелиные соты или ниши в колумбарии. И в каждой нише что-то лежало.

Элис, цепляясь за холодные перила мостика, подошла к краю и заглянула в ближайшую ячейку.

Там лежала скрипка. Не целая. Сломанная пополам. Её гриф был изящно переломлен, струны свисали, как растрёпанные нервы. От неё исходило слабое, агонизирующее Эхо – обрывки какой-то невероятно сложной, незавершённой мелодии, смешанные с яростным, юношеским отчаянием.

В следующей нише лежала палитра. Краски на ней не высохли. Они были яркими, сочными, но выглядели застывшими, как лава. Они источали Эхо бешеного творческого порыва, внезапно оборванного, и тяжёлое, густое разочарование.

Далее – исписанная чернилами рукопись, свёрнутая в тугой свиток и перетянутая чёрной лентой. Из неё сочилась тихая, надрывная тоска по ненаписанным главам.

Это была Оранжевая. Но не цветов. Засохших бутонов. Невыплаканных слёз. Недопетых песен.

Элис шла по мостику, и её охватывало всё большее оцепенение. Она видела засохшие кисти, потускневшие театральные маски, скомканные чертежи грандиозных машин, разорванные партитуры, потрескавшиеся блоки мрамора с едва намеченным изваянием внутри. Каждый предмет был саркофагом для таланта. И каждый излучал своё собственное, законсервированное мучение.

И чем ниже она спускалась по спиральному мостику, тем мощнее, тем страшнее становились «экспонаты». Здесь уже лежали не просто инструменты, а части тел. Идеально слепленная из воска рука с изящными, длинными пальцами – рука пианиста. Она лежала на бархатной подушке и пульсировала призрачным эхом виртуозных пассажей. Стекланный шар, внутри которого плавало и переливалось, как туман, серебристое вещество – видимо, сам «кристалл» изъятый дара к поэзии.

Элис почувствовала, что её тошнит. Она остановилась, опершись о стену, и её взгляд упал на нишу прямо на уровне её глаз. Там, на чёрном шелке, лежал архитектурный циркуль. Не простой. Его ножки были сделаны из тёмного, полированного дерева, а шарнир был инкрустирован крошечными сапфирами, изображавшими созвездие. Циркуль Лео. Тот самый, что всегда торчал у него из кармана.

Она протянула дрожащую руку, но не посмела прикоснуться. От циркуля исходило слабое, теплое, знакомое Эхо. Но оно было статичным. Как запах, запечатанный в герметичной банке. Это было Эхо *возможности*. Эхо всех тех мостов, дворцов и летающих городов, которые так и не были построены. Оно было красивым и бесконечно печальным.

«Такова цена бессмертия красоты, мисс Вейн».

Голос прозвучал прямо у неё за спиной, ровный и спокойный, как будто они стояли в учебном классе, а не в этом кошмарном хранилище душ. Элис медленно обернулась.

Профессор Кассиан Мор стоял на мостике в нескольких шагах от неё. Он был без плаща, в простом тёмном костюме, и его лицо в зелёном свете казалось высеченным из того же базальта, что и стены. Он не выглядел ни разгневанным, ни удивлённым. Скорее... удовлетворённым.

«Я знал, что вы придёте, – сказал он, делая шаг ближе. Его глаза скользнули по циркулю в нише. – Рано или поздно. Любопытство – часть вашего дара. И часть вашей проблемы».

«Это... кладбище», – прошептала Элис, и её голос сорвался в этой давящей тишине.

«Архив, – мягко поправил он. – Библиотека иного рода. Здесь хранятся не идеи, а их чистая, нереализованная потенция. Топливо для великих дел. Без этого места Сильван был бы просто школой. Красивой, но смертной. А так...» Он обвёл рукой бесконечные ряды ниш. «Так мы становимся вечными. Хранителями самой сути вдохновения».

«Вы украли у них всё!» – крикнула она, и её голос, непривычно громкий, замер, поглощённый тяжёлым воздухом.

«Мы сэкономили от рассеивания! – в его голосе впервые прозвучала страсть, холодная и убеждённая. – Что лучше: чтобы гений Лео потратился на десяток хороших, но не гениальных зданий, чтобы его вдохновение истощилось, сменилось усталостью, чтобы он стал обычным архитектором, а потом умер, оставив после себя лишь прах и пару зданий, которые тоже однажды рухнут? Или... чтобы его самый яркий, самый чистый порыв навсегда остался здесь? Чтобы он вечно питал саму идею полёта в камне, вдохновляя, пусть и незримо, тысячи других? Его физическое «я» живёт. Оно счастливо. Оно не страдает от мук творчества, от разочарований. Мы взяли на себя бремя его гения. Освободили его».

«Вы не имели права!»

«Право даёт ответственность, Элис. Ответственность за будущее. Вы думаете, мир за стенами академии – это светлое место? Это хаос, глупость, варварство. Они сожгли бы эти таланты на костре обыденности за пару десятков лет. Мы же даём им вечность». Он подошёл ещё ближе и смотрел на неё с тем же аналитическим интересом. «Вы видите это место. Чувствуете его тяжесть. Ваш дар позволяет вам воспринимать истинную цену. Теперь выбор за вами. Вы можете сокрушаться, называть это кладбищем и остаться жертвой обстоятельств. Или... вы можете понять логику садовника. Принять эту необходимость. И, обладая вашим уникальным восприятием, помочь нам делать это тоньше. Аккуратнее. Минимизировать страдания. Вы можете следить за такими, как Лео. Видеть, когда их талант достигает пика, готовый к сбору, но ещё не начавший угасать. Вы можете сделать процесс не вырыванием, а... бережным сбором урожая. Вы можете быть не палачом, а целителем, который делает неизбежную операцию безболезненной».

Он предлагал ей сделку. Ту самую, о которой она догадывалась. Не просто принять, а стать частью системы. Использовать свой дар видеть шрамы не для того, чтобы их оплакивать, а чтобы создавать новые – более совершенные, менее травматичные.

Элис посмотрела на циркуль Лео. На его тихое, запёртое Эхо. Потом на бесконечные ряды других таких же могильных ниш. Пустота Рена. Умиротворённая, серая жизнь Лео в стенах академии. И голос профессора Мора, звучавший так разумно, так убедительно в этой гробовой тишине.

В этот момент где-то высоко в темноте, у самого верха башни, зелёный свет на мгновение вспыхнул ярче, и Элис увидела нечто, от чего кровь застыла в жилах. Там, в самых верхних ячейках, хранились не предметы и не части тел. Там, в прозрачных капсулах из того же матового стекла, что и светильники, плавали бледные, едва видимые сияния. Контуры. Отпечатки. Они были похожи на человеческие фигуры, спящие в позе эмбриона. Самое чистое, самое мощное «Эхо» – законсервированные души талантов, изъяты полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.